

Пролог

Если кому-нибудь из вас когда-либо доведется побывать в небольшом городке Кайнебурге, который находится в Северной Рейн-Вестфалии, настолько небольшом, что напрашивается слово «деревня», и посетить тамошний краеведческий музей, то зритель просто не выпустит вас обратно на улицу до тех пор, пока не расскажет одну местную легенду. События, о которых идет речь, произошли давно, на рубеже двенадцатого и тринадцатого веков. Подобные истории, в которых не обходится без мистики и вмешательства потусторонних сил, рассказывают, наверное, в каждой местности, и в этом плане в легенде Кайнебурга нет ничего особенного. Хотя кое в чем она действительно отличается от остальных. Взять хотя бы ее название — «Легенда про одиннадцать ключей».

Странность заключается уже в одном только слове «одиннадцать». В самом деле, почему именно одиннадцать, когда во всех остальных подобных сказаниях фигурируют совершенно другие, более знаковые числа: три (троица, три волхва, три богатыря, три танкиста), или семь (седмица, семь смертных грехов, семь гномов), или даже двенадцать (двенадцать олимпийских богов, двенадцать ступ Будды, двенадцать колен Израиля, двенадцать друзей Оушена). Но уж никак не одиннадцать.

Если вы спросите об этой странности у рассказчика, то он, улыбнувшись, тут же объяснит вам, что именно одиннадцать ключей, а не семь и не двенадцать успел сделать один вестфальский лекарь, прежде чем за ним пришли святые отцы-инквизиторы.

Увлекаясь алхимией, лекарь, чье имя осталось неизвестным для истории, подобно многим ученым того времени пытался создать философский камень, но, сам того не ожидая, создал нечто большее. Ведь философский камень искали, потому что думали, что с его помощью любой металл можно будет превратить в золото, обладая которым одни люди — с не очень большими амбициями — надеялись обеспечить себе беззаботную, спокойную жизнь, другие, более смелые и отважные, — получить власть. Однако золото, сколько бы его ни было, не давало и не могло дать людям счастье и уверенность в своем будущем. Золото могли отнять ворвавшиеся в дом разбойники, а власть — иноземные завоеватели или собственные восставшие подданные. Только обладая тем, что создал тот неизвестный алхимик, человек получал возможность жить полнокровной и счастливой жизнью, той жизнью, которую выбирал сам. Жизнью, в которой не было страха. Кроме этого человек получал власть, власть саму по себе, чистую, как девяностошестиградусный спирт. Власть без кисло-металлического привкуса крови и предательства, отрубленных голов и сожженных заживо тел, растворяющегося в вине яда и руки, готовящейся воткнуть стилет в спину тому, кто только на словах называется другом и благодетелем.

Тогда алхимик еще не знал, что именно ему удалось сотворить. Равно как и не мог объяснить, почему у него получилось то, что получилось. Он не знал, что создал ключи, поэтому до поры до времени называл свое изобретение — одиннадцать крохотных, похожих на золотые, слитков — просто минералами. Лекарь надеялся, что, изучая свойства минералов, он узнает о них все. Пока он знал только одно: до тех пор пока хоть один слиток у него в руках, никто не сможет нанести ему вред. Уже одно это делало изобретение бесценным.

А потом за ним пришли. Когда ломали двери, он тщетно метался по лаборатории в поисках своего изобретения. Найти он ключи — и руки, которые тянулись, чтобы схватить и связать его, опустили бы, бессильные что-либо сделать, а слова проклятий застряли бы в горле у пришедших за ним. Но он ничего не нашел. Ганс, любимый и единственный ученик лекаря, украл у него деньги и все одиннадцать ключей. А потом донес на своего учителя отцам-инквизиторам, обвинив его в том, что он поклоняется сатане. В час, когда учителя привязали к пыточному станку и палач раскаленными щипцами стал сдирать с его ребер куски кожи, Ганс, навсегда распрощавшись с родным городом, выехал за ворота.

Ночь застала его в пути. Не найдя постоянного двора, Ганс заночевал в чистом поле. Погода испортилась, началась гроза. Лошадь испугалась и, разорвав путы, убежала в темноту. Закутавшись в дырявый плащ, Ганс вздрагивал при каждом раскате грома, крестился и шептал молитву. Одна из молний ударила в землю совсем рядом с ним, оглушила его, ослепила и, отбросив на несколько шагов в сторону, лишила чувств.

Когда Ганс пришел в себя, уже наступило утро, небо было ясно-синим, от согретой жарким летним солнцем влажной земли поднимался пар, в вышине носились ласточки, вдали звучала песня работающих в поле крестьян. Но ничего из перечисленного не радовало Ганса. Ужасным было его пробуждение. Вскочив на ноги, он, не предпринимая никаких попыток отыскать исчезнувшего коня, беспрестанно оглядываясь, словно кто-то невидимый гнал его, помчался в сторону ближайшей деревни, где, как ему казалось, должна была быть церковь. Он совсем запыхался, но все-таки, не сбавляя шага, добежал до просторной каменной часовни и, два раза споткнувшись об одну и ту же ступеньку, вошел внутрь и плюхнулся на живот перед

алтарем. Он не знал, что в это самое время огонь от костра, к смерти на котором приговорили его учителя-алхимика, уже стал подниматься по ногам несчастного.

— Шавва! — кричал алхимик, извиваясь всем телом и пытаясь порвать веревки. — Шавва!

— Дьявола зовет, еретик проклятый! — перешептывались в толпе, глядя, как в огне лопается живая еще плоть. — Ничего, скоро он с ним встретится. Недолго осталось.

Трижды произнеся все известные ему молитвы, Ганс немного отдышался и успокоился, а успокоившись, почувствовал холод, который шел от каменных плит и проникал сквозь так и не успевшую просохнуть одежду. Прочитав еще раз Pater Noster, он поднялся на ноги и увидел пожилого священника в сером балахоне. Его редкие седые волосы были подстрижены в кружок, взгляд излучал добродушие.

— Да поможет тебе Господь, незнакомец, — мягко произнес священник. — Прости, если мое появление помешало твоему разговору с Отцом нашим, на небесах пребывающим.

Вместо того чтобы успокоить Ганса, этот мягкий голос и благожелательная улыбка вернули юношу в прежнее бесноватое состояние, в каком он пребывал, когда очнулся в поле. Его ноги подкосились, и он упал на колени перед священником.

— Исповедуйте меня, святой отец! — взмолился юноша, хватая священника за ноги. — Грешен я, сильно грешен. Я предал своего учителя, написав на него ложный донос, я обокрал его. Я разговаривал с чертом. Да, да... это правда! Он приходил ко мне ночью, когда меня ударила молния. Он звал меня, говорил, что даст мне все, что я захочу, сколько я захочу, не требуя взамен моей души.

Вскоре Ганс сбился и стал рассказывать про летающих драконов и сидящих на них верхом чудовищ с головой и туловищем гигантских стрекоз, про мрачные, окруженные

высокими стенами, через которые не проберется ни одно живое существо, города, где томятся грешники и обитают миллионы таких чудовищ, и в конце концов понес полную околесицу, так что ничего нельзя было разобрать.

Не без труда подняв каюшегося, священник помог ему переместиться на скамью. Принес воды. Ганс достал из кармана засаленную тряпицу, в которую была завернута горстка крошечных слитков, похожих на золотые. Странное дело: едва Ганс прикоснулся к ним, он заметно успокоился, словно в этих маленьких комочках заключалась некая волшебная сила. Дыхание его стало ровным, взгляд уверенным и даже нагловатым, мало похожим на взгляд человека, который только что лежал ниц перед изображением Господа. Осмотревшись вокруг, он укоризненно улыбнулся, будто бы собираясь спросить себя, как это его угораздило оказаться в подобном месте.

Священник тем временем закрыл двери часовни, чтобы никто не смог им помешать.

— Вижу, тебе уже лучше, сын мой. Тот удар молнии, о котором ты рассказывал... Не каждый человек выживает после такого. Неудивительно, что твои мысли находятся в... эээ... смятенном состоянии, — произнес он. — Но Господь в моем лице готов прийти тебе на помощь. Если твое желание исповедаться все еще не прошло, я буду рад тебя выслушать.

Лицо Ганса, который действительно выглядел так, будто только что пробудился от долгого спокойного сна, озарилось лукавой улыбкой. Он тряхнул головой, словно удивляясь, как ему на ум могли прийти такие глупости.

— Исповедаться? Да я, собственно, уже все сказал. Ночью, во время грозы, когда я лежал без сознания, у меня было видение. Ко мне явилось некое существо, поведавшее мне, что оно из другого мира, что от этого мира у меня теперь есть ключи и я смогу черпать оттуда силу, благодаря

которой достигну всего, о чем мечтаю. Ключ создал мой учитель, назвав его по неведению минералом. Но на самом деле это ключ. Я знаю, что должен отдать остальные десять ключей другим, тем, кого сочту достойными. Хочешь, я дам один тебе, старик? Мне ничего за него не надо. Ты только попроси меня об этом.

— Ты ошибаешься, сын мой. Вспомни, как дьявол поднял Господа нашего Иисуса Христа на высокую гору и показал ему все царства мира, их богатство и славу их. Как сказал он тогда Господу: «Покорись мне, и все это твое будет». И ответил тогда Господь наш Иисус: «Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи». Нечистый дух в тебе, юноша. Он сгрызет твое сердце, погубит душу и ввергнет тебя в геенну огненную.

— Молчи, старый дурак! Что ты знаешь о геенне? Нет ни рая, ни ада. И никогда не будет! А геенна, она только в твоей тупой башке!

— Изыди, сатана. Не оскверняй речами нечистыми храм Господа нашего!

Ганс спокойно улыбнулся.

— Ну, старик, как скажешь. Я ведь предлагал тебе...

Оглянувшись на двери, юноша вынул спрятанный под плащом короткий кинжал и скользящим движением руки провел лезвием по шее священника, который, вытаращив удивленные глаза, повалился на плиты пола, на то место, где совсем недавно молился грешник. Ганс не собирался убивать священника, но у него было чувство, что он стоит на пороге совершенно новой, необыкновенной жизни, и ему не хотелось, чтобы болтливость старика помешала этому.

Следующую ночь он провел, забравшись в большое дупло старого дуба, а когда проснулся, то почувствовал себя обновленным и сильным человеком. Кошмары в виде адских картинок с городами для грешников и чертей ему больше не снились, но что-то, несомненно, произошло — как буд-